

Последний оплот Альгенска

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Филиппов

Последний оплот Альгенска

«Автор»

2026

Филиппов Д.

Последний оплот Альгенска / Д. Филиппов — «Автор», 2026

«Последний оплот Альгенска» — это экзистенциальная военная драма, разворачивающаяся в декорациях апокалиптического города, охваченного конфликтом между корпоративными интересами и фанатичной идеологией «Идеалистов». Сюжет фокусируется на истории бойца с позывным «Огонь», который в условиях тотального распада пытается сохранить человечность и спасти подростка по имени Максим, оказавшегося в эпицентре войны.

© Филиппов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Денис Филиппов

Последний оплот Альгенска

Глава

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ АЛЬГЕНСКА

Пролог:

«Между Светом и Тенью» Пепел — это всё, что осталось от Альгенска. Он ложился на плечи серым саваном, въедался в поры кожи, забивался в механизмы автоматов и в самые глубокие щели человеческих душ. Когда-то здесь строили планы на завтра. Теперь же завтрашний день стал роскошью, доступной лишь тем, кто умел не моргать, глядя в дуло вражеского ствола. В тишине, наступившей после очередной артиллерийской симфонии, мир казался застывшим наброском, который кто-то в ярости разорвал пополам. В этом мире не было места именам. Были только позывные — холодные, как сталь, и короткие, как жизнь солдата. «Огонь» — потому что должен был жечь. «Тень» — потому что должен был исчезать. Война превратила город в лабораторию боли, где корпоративные интересы прикрывались лозунгами «Идеалистов», а человеческие жизни разменивались на тактические преимущества. Но именно в этой стерильной, бетонной пустоте происходило то, что невозможно было рассчитать ни одной базе данных: рождение надежды вопреки всему. Этот город не просто умирал — он ждал. Ждал того, кто решится заглянуть за край собственного страха. Ждал, когда кто-то поймет: самое сложное на войне — не выжить. Самое сложное — не стать тем чудовищем, с которым ты пришел сражаться. В Альгенске, где каждый кирпич пропитан смертью, всё еще билось сердце. А значит, война еще не была проиграна до тех пор, пока хоть одна рука продолжала сжимать чужую, не давая тьме сомкнуться над ними обоими.

«Последний оплот Альгенска» — это не просто военный рассказ, а экзистенциальная драма о сохранении человечности в условиях абсолютного распада. Автор использует декорации апокалиптического города, чтобы задать ключевой вопрос: что остается от человека, когда у него отнимают всё — имя, дом, семью и иллюзию безопасности?. Главный посыл автора заключается в противопоставлении «идеологии» и «совести». Через персонажа Огня автор показывает, что истинный героизм проявляется не в выполнении приказов, а в способности сострадать и защищать слабого даже тогда, когда система требует быть лишь инструментом уничтожения.

Глава 1

В пепле и тишине

Когда мир вокруг превращается в руины, самое сложное – не сберечь жизнь, а сохранить в себе право на человечность, когда единственным, что связывает тебя с реальностью становится не собственное имя, а тепло чужой руки, сжимающей твою в предрассветной тишине.

Из оперативной сводки сектора «Центр»: 20 сентября 2035 года. Город Альгенск. Воздух пропитан гарью, дисперсной пылью и едким пороховым дымом. Некогда процветающий индустриальный и культурный узел превращен в руины. Очаги сопротивления радикальной группировки «Идеалисты» локализованы в северо-западном квартале. Объект №14 (бывшее

административное здание городского управления) — последний укрепленный рубеж противника. Стена справа содрогнулась от глухого удара, и на плечи Огня посыпалась мелкая крошка известняка. Двадцать пять лет — возраст, когда в нормальном мире строят карьеру, влюбляются и спорят о будущем за чашкой кофе в уютном баре. Но для Огня, чье настоящее имя уже стерлось из армейских жетонов и осталось лишь в базах данных глубокого тыла, этот день сулил лишь одно — последний, решающий штурм. Город Альгенск, ставший кладбищем для тысяч солдат и мирных жителей, доживал свои последние часы под грохот артиллерийских раскатов.

— Эй, Огонь, живой?

— хриплый голос Ленивца ворвался в наушник тактической гарнитуры, перекрывая свист рикошета где-то тремя этажами выше. Друг детства, с которым они когда-то гоняли мяч по пыльным дворам пригорода, сейчас выглядел как оживший кошмар: закопченное лицо, разорванная разгрузка и тяжелый штурмовой автомат, намертво вцепившийся в перчатки.

— Живой, — Огонь сплюнул серую слюну, смешанную с бетонной пылью. — Каков расклад?

— Они засели на третьем и четвертом. Называют себя «идеалистами», суки. Свобода, равенство, новый порядок... А по факту — обычные фанатики, которые прикрывают трупами заложников свои шкуры. Нацисты, террористы — какая к черту разница, как их назовут в вечерних новостях? Суть одна: пока мы их не зачистим, этот ад не закончится.

Огонь проверил магазин. Оставалось тридцать патронов плюс два запасных рожка на поясе. Немного, но для финального броска должно было хватить. Позади них, в проеме разбитого окна, виднелся панорамный вид на Альгенск. Скелеты многоэтажек, черные шлейфы дыма, уходящие в свинцовое сентябрьское небо, и зловещая, прерывистая тишина, ломающаяся от редких очередей.

— Двигаем, — скомандовал Огонь, кивнув еще троим бойцам из штурмовой группы.

— Ленивец, ты идешь вторым. Держи правый сектор. Группа, за мной!

Они ворвались в центральный холл здания, где когда-то, судя по остаткам обгоревших стендов, кипела мирная гражданская жизнь. Теперь здесь пахло смертью. Выстрелы эхом разносились по пустым, бесконечным коридорам, дробя уцелевшие стекла в узких окнах бойницах.

— Огонь, прикрой! — внезапно рявкнул Ленивец, заметив движение в конце галереи.

Огонь мгновенно опустился на одно колено, вскидывая ствол и открывая беглый, но точный огонь по амбразуре импровизированной баррикады из офисных столов. Ленивец, воспользовавшись моментом, рванул вперед, ведя плотный, подавляющий обстрел. Пять «идеалистов», попытавшихся перегруппироваться для контратаки, были срезаны очередями в мгновение ока. Их тела тяжело повалились на усыпанный гильзами паркет.

— Чисто! — крикнул Ленивец, перезаряжая оружие на ходу. — Но это были лишь дозоры. Основные силы ушли вглубь.

Огонь, не теряя ни секунды, устремился вперед, начав методично проверять комнаты в левом крыле. Каждая дверь — потенциальная ловушка. Каждая комната — возможная огневая точка. Шаг, удар приклада, осмотр. Пусто. Снова шаг, поворот, контроль. Только разбитая мебель и следы поспешного отступления. Внезапно в самом конце коридора, за полуоткрытой дубовой дверью с табличкой «Архив», он услышал странный, едва различимый шорох. Это не было движением вооруженного врага — слишком хаотично, слишком слабо. Резким, отработанным до автоматизма движением Огонь распахнул дверь ногой, ведя стволом автомата по углам. Его взгляд, привыкший к полумраку, упал на дальний угол комнаты, заваленный старыми папками с документами. Там лежал парень. На вид ему было не больше семнадцати лет. Он был намертво привязан к тяжелой железной батарее толстым телефонным кабелем. Одежда превратилась в лохмотья, сквозь которые виднелись многочисленные глубокие порезы, запекшаяся кровь и синяки. Парень находился в глубоком шоке, едва удерживая сознание. Его веки

дрожали, а изо рта вырывался слабый, прерывистый стон. Единственный, кто уцелел среди этого кровавого безумия.

— Черт... Здесь выживший! — крикнул Огонь в микрофон, на ходу выхватывая тактический нож, чтобы перерезать путы.

— Ленивец, Гора, у меня тут «трехсотый», гражданский или их пленный, совсем молодой!

Огонь аккуратно, стараясь не причинить новой боли, подхватил парня на руки. Тот оказался на удивление легким, словно состоял из одних костей и страха. Парень слабо дернулся, но у него не было сил даже на то, чтобы оттолкнуть спасителя.

— Держись, мелкий, держись... — шептал Огонь, вынося его из душного, пахнущего кровью архива. — Сейчас мы тебя вытащим.

Он потащил его обратно по коридору, к эвакуационному выходу, где у разбитого крыльца уже ждала бронированная машина медиков. Санитары отреагировали мгновенно: задние двери распахнулись, и парня быстро уложили на носилки, тут же подключив к портативному аппарату ИВЛ и капельнице. Огонь и Ленивец, прыгнув внутрь следом, заняли позиции у бойниц машины, обеспечивая круговую защиту на случай засады по пути в тыловой госпиталь.

* * *

Три часа спустя. Временный медицинский пункт, развернутый в подвале уцелевшей школы в пяти километрах от линии фронта, гудел как растревоженный улей. Борьба за жизнь неизвестного парня продолжалась без перерыва. Врачи, чьи халаты давно потеряли белый цвет, сменяли друг друга, вводя плазму, зашивая рваные раны и борясь с начинающимся сепсисом.

Прошло еще долгих два часа, прежде чем главный хирург вышел в коридор, устало сняв резиновые перчатки. Состояние парня наконец-то удалось стабилизировать, хотя угроза жизни все еще сохранялась.

Ленивец к этому времени уже ушел. Приказ командования был суров — фронт требовал людей, и он вместе со своими бойцами отправился обратно на передовую, в огненное жерло Альгенска. Огонь же остался. Не только из-за парня, но и потому, что медики силой усадили его на кушетку, чтобы обработать и зашить левое плечо. Оказалось, в пылу штурма его подстрелили — пуля прошла навывлет, задев мышцу, но Огонь из-за адреналинового шока даже не заметил ранения, пока кровь не залила рукав куртки. Через полчаса парень очнулся. Из операционной его перевели в общую палату, отгороженную от коридора плотной брезентовой ширмой. Военные дознаватели сразу попытались вытянуть из него хоть какую-то информацию: кто он, как попал к «идеалистам», что видел? Но все попытки разбивались о глухую стену молчания. Парень смотрел в потолок, не реагируя на вопросы, словно его разум все еще блуждал в темных лабиринтах пережитого кошмара. Ни имени, ни фамилии, ни единого звука. Из-за ширмы вышел Гора — начальник медпункта, грозный мужчина с седыми усами и тяжелым взглядом, повидавший на своем веку слишком много смертей.

— Огонь, иди ты попробуй, — хмуро сказал Гора, кивая в сторону палаты. — Он молчит как рыба. Нас он боится, видит форму — и замыкается. Ты его вытащил, может, к тебе будет другое отношение. Поговори с ним без протокола.

Огонь поднялся с лавки, поморщившись от резкой боли в забинтованном плече, и медленно подошел к койке. Парень, бледный, изможденный, со следами капельниц на тонких запястьях, тут же повернул голову на звук шагов. Он посмотрел на вошедшего большими, испуганными глазами, в которых отражался панический ужас. Огонь внимательно вглядывался в его лицо. В этих глазах не было ни следа той фанатичной уверенности, жестокости или безумного экстаза, которые Огонь привык видеть в глазах тех «идеалистов», которых они только что зачищали на объекте №14. Там не было идеологии. Только первобытный страх и глубокая, невыносимая физическая и душевная боль.

— Привет, — тихо сказал Огонь, аккуратно присаживаясь на самый край скрипучей медицинской койки. Он сознательно опустил плечи и заговорил как можно мягче, стараясь приглушить свой привычный командный голос, чтобы не напугать парня еще сильнее.

— Меня зовут Огонь. Ты в безопасности, слышишь? Мы тебя нашли там, в подвале. Все позади.

Парень лишь слабо моргнул, продолжая пристально смотреть на него, но не произнося ни единого звука. Его губы, сухие, потрескавшиеся и покрытые мелкими корками, слегка дрогнули, но тут же сомкнулись обратно.

— Ты ранен, — мягко продолжил Огонь, осторожно указывая здоровой рукой на повязку на своем плече, а затем на многочисленные бинты, покрывавшие грудь и руки парня. — Но наши врачи здесь отличные, они тебя вылечат. Ты сильный, парень. Раз уж ты выжил в том аду, значит, со всем остальным мы точно справимся. Он инстинктивно протянул руку, чтобы ободряюще похлопать парня по плечу, но тут же резко отдернул ее, вспомнив о собственном ранении и о том, что любое резкое движение может быть расценено как угроза. Вместо этого он просто осторожно положил ладонь на серое армейское одеяло рядом с бессильно лежащей рукой парня, давая ему выбор — пойти на контакт или остаться в стороне.

— Мы не хотим тебе зла, — спокойно, глядя прямо в глаза парню, произнес Огонь.

— Мы не они. Мы просто хотим, чтобы эта проклятая война наконец-то закончилась. Чтобы люди перестали умирать, чтобы Альгенск снова стал нормальным городом. Ты ведь тоже этого хочешь, правда? Парень снова медленно моргнул. В глубине его расширенных зрачков на секунду мелькнуло что-то новое, похожее на проблеск понимания, но тяжелое оцепенение по-прежнему сковывало его тело и голос. Он молчал.

— Ты можешь не говорить, если тебе тяжело или страшно, — успокаивающе произнес Огонь, заметив, как задрожали пальцы парня под одеялом.

— Никто не будет тебя заставлять или пытаться. Но если ты захочешь выговориться, знай: мы тебя выслушаем. Я тебя выслушаю. Мы здесь только для того, чтобы помочь тебе подняться на ноги.

Огонь слегка обернулся и посмотрел на Гору, который неподвижно стоял у входа, наблюдая за ними из-за полуприкрытой ширмы. Командир едва заметно кивнул, подтверждая, что Огонь все делает правильно, и давая знак продолжать в том же духе.

— Может быть, ты помнишь хотя бы то, как тебя зовут? — с замиранием сердца спросил Огонь, искренне надеясь на хоть какой-то, пусть даже самый незначительный ответ. — Или откуда ты родом? Кто твои родители? Любая, даже самая маленькая мелочь сейчас может помочь нам найти твоих близких.

Парень не ответил сразу. Вместо этого он медленно, со скрытым усилием повернул голову к узкому, забранному решеткой окну подвала. Там, за мутным стеклом, в сгущающихся сумерках все еще виднелись изрешеченные осколками силуэты разрушенных зданий Альгенска, окутанные вечным, не оседающим дымом пожарищ. В его огромных глазах, как в зеркале, отражалась вся боль, весь непередаваемый ужас этой затянувшейся войны. Вдруг его пальцы, лежащие на одеяле, слабо шевельнулись, коснувшись руки Огня. Огонь мгновенно затаил дыхание и наклонился ближе, почти к самому лицу парня. Тот, собрав в кулак последние, крошечные остатки сил, приоткрыл рот, пытаясь вытолкнуть слова. Его голос, когда он наконец прозвучал, был едва слышным, хриплым, прерывистым шепотом, похожим на шелест сухой листвы.

— Я... я не знаю... — прошептал он, и на его глазах выступили крупные слезы. — Я... я ничего не помню. Совсем ничего.

Огонь почувствовал мимолетный укол разочарования в груди, но тут же жестко подавил его. Амнезия. Последствие тяжелой контузии или психологической травмы. Но это было больше, гораздо больше, чем глухое молчание. Это было начало их диалога. Начало его доверия.

— Ничего страшного, слышишь? — уверенно и твердо сказал Огонь, сжав пальцы парня в своей руке и стараясь сохранить абсолютное, непоколебимое спокойствие. — Это нормально после того, через что ты прошел. Мы поможем тебе вспомнить. Мы во всем разберемся вместе, шаг за шагом. Мы поможем тебе вернуться домой... Если у тебя есть дом. А если нет — мы найдем тебе новое место под солнцем. Он снова внимательно посмотрел на парня. В его глазах теперь, сквозь пелену слез и пережитой боли, медленно, но отчетливо разгоралась крошечная, едва заметная искорка надежды. И Огонь, глядя на нее, отчетливо понял: он не отступит и не сдастся. Он будет находиться рядом, охранять этот покой и бороться за него до тех пор, пока этот парень не найдет свой собственный путь обратно к нормальной, человеческой жизни. Даже если для этого им обоим придется еще раз пройти через все круги этого земного ада.

ГЛАВА 2. Клеймо и выбор

Самые глубокие раны наносятся не осколками, а равнодушием системы, которая привыкла измерять жизнь документами, забывая, что за каждой цифрой в базе данных бьется сердце, которому просто некуда возвращаться.

День сменился ночью, ночь – утром, и вот уже второй день пацан приходил в себя. Шок от пережитого постепенно отступал, оставляя после себя лишь тупую боль и смутные, обрывочные воспоминания. Память, словно разбитое зеркало, собиралась по крупичкам, и в этом хаосе всплывали образы, звуки, запахи. Он чувствовал себя потерянным, словно вынырнул из глубокой воды на незнакомый берег. В палате было тихо, лишь мерное тиканье часов нарушало тишину. Пацан лежал, уставившись в потолок, пытаясь ухватиться за ускользающие нити сознания. Вдруг дверь тихонько скрипнула, и в палату вошел он. Высокий, крепкий, с усталыми, но добрыми глазами. Огонь. Он приходил каждый день, принося с собой не только лекарства и еду, но и что-то неуловимое – тепло, спокойствие, надежду. Огонь присел на край кровати, его взгляд скользнул по порезанным рукам и ссадинам на лице пацана. Он не задавал лишних вопросов, не давил. Просто сидел рядом, давая парню время собраться с мыслями.

"Как ты себя чувствуешь?" – наконец спросил Огонь, его голос был мягким, как шелк.

Пацан сглотнул. Слова давались с трудом. "Лучше... кажется."

"Это хорошо," – кивнул Огонь. "Ты помнишь, как тебя зовут?"

"Максим," – прошептал парень. "Мне семнадцать."

"Максим," – повторил Огонь, словно пробуя имя на вкус. "А где ты живешь? Есть семья?"

Максим замялся. В голове промелькнула картина родного дома, маминой улыбки, но тут же сменилась тревогой. "Я... я приехал в гости к деду. Он здесь живет." Это была первая ложь, которая слетела с его губ, и она показалась ему такой естественной, такой необходимой.

Огонь внимательно слушал, его взгляд не отрывался от лица Максима. Он видел страх, растерянность, но и какую-то внутреннюю силу, которая пробивалась сквозь боль. Он передал информацию Горе, человеку в форме, который отвечал за все здесь. Гора кивнул, его лицо оставалось непроницаемым.

Потом, когда Гора ушел, Огонь снова повернулся к Максиму. И тут произошло что-то удивительное. Они начали говорить. Не о травмах, не о прошлом, а о чем-то простом, человеческом. Максим спрашивал, как зовут Огня. Огонь поведал свое настоящее имя, что его зовут Андрей, ему 25, откуда он. Андрей рассказывал о себе, о своих планах, о том, что скоро уходит на фронт, к своим пацанам. Он говорил о долге, о чести, о том, что нужно защищать тех, кто слабее. Максим слушал, завороженный. В словах Андрея была такая искренность, такая уверенность, что он сам начал чувствовать себя сильнее. Они нашли общий язык, словно два человека, потерянных в бушующем море, нашли друг друга и держались за одну спасительную нить. Внезапно дверь палаты снова распахнулась, и на пороге появился Гора. Его лицо было хмурым.

"Огонь," – позвал он, его голос звучал резко. "Пойдем."

Они вышли в коридор. Гора понизил голос, но его слова все равно долетели до Максима, словно удар грома.

"Он соврал, Огонь. Я пробил его. Он из детского дома. Его заберут через два дня."

Огонь замер. Его взгляд, полный тепла и понимания, обратился к двери палаты, где лежал Максим. Он видел парня, его хрупкость, его боль, и теперь – его ложь. Почему? Почему Максим соврал? Неужели он так боялся, что его отправят куда-то еще, подальше от этого места, где он, пусть и раненый, но чувствовал себя в безопасности? Или он хотел создать иллюзию нормальной жизни, которой у него, возможно, никогда и не было?

Разговор за закрытой дверью

В коридоре повисла тяжелая, звенящая тишина. Андрей (Огонь) медленно перевел взгляд на Гору. Его кулаки невольно сжались, но голос остался внешне спокойным, хоть в нем и прорезались стальные нотки.

— Ты уверен, Гора? Ошибки быть не может?

— Какой тут «уверен», огонь? — Гора раздраженно потряс распечаткой документов. — База данных не врет. Сирота. Сбежал из интернета три недели назад. Его уже ищут. Органы опеки и полиция уведомлены. Через сорок восемь часов за ним приедет конвой и заберет обратно в распределитель.

— Он не вещь, чтобы его «забирать», — глухо произнес огонь, оборачиваясь на закрытую дверь палаты. — Ты видел его глаза? Он напуган до смерти. Если его сейчас вернуть туда, откуда он бежал, мы его сломаем окончательно.

— А у нас есть выбор? — Гора подошел ближе, его суровое лицо осунулось от вечной усталости.

— Мы военный госпиталь, огонь, а не приют для беспризорников. У меня приказ, у тебя — предписание на фронт. Через неделю ты будешь на передовой, а пацана здесь никто легально оставить не сможет. Пойми ты своей горячей головой: закон есть закон. Огонь резко повернулся к командиру:

— Закон? А как же человечность, Гора? Он соврал про деда, потому что защищался! Ему семнадцать, через год он станет совершеннолетним. Дай ему этот год! Давай оформим... не знаю, опеку, поручительство?

— И кто станет опекуном? Ты? — Гора горько усмехнулся. — Человек, который через пять дней садится в эшелон и уезжает под артобстрелы? Очнись, Огонь. Ты не можешь спасти весь мир.

Занимайся своей работой, а парня предоставь системе.

Гора развернулся и тяжелыми шагами пошел по коридору, оставив огонь один на один с раздирающими его мыслями.

Правда в глаза

Максим в палате слышал каждое слово. Каждое звуковое колебание за дверью отзывалось в его груди глухими ударами молота. Опять. Все снова возвращалось на круги своя. Детдом, серые стены, вечный надзор, клеймо «ничейного» ребенка. Когда дверь тихо открылась и огонь вернулся в палату, Максим уже не смотрел в потолок. Он

сидел на кровати, сжавшись в комок, обхватив колени искусанными губами. Его взгляд изменился: исчезла та робкая доверчивость, уступив место волчьему, затравленному блеску.

— Подслушал? — тихо спросил огонь, присаживаясь на стул рядом.

— Зачем ты притворялся добрым? — вместо ответа бросил Максим. Голос его дрожал, но он отчаянно пытался казаться злым. — Чтобы вывести, кто я? Чтобы сдать быстрее? «Честь», «долг»... Красиво говорил. А сам обычный мент в душе. Огонь не разозлился. Он спокойно выдержал этот полный ненависти и боли взгляд.

— Я не знал, Максим. Гора сделал запрос по своей линии, это его обязанность — выяснять личности тех, кто поступает к нам без документов. И я не собираюсь тебя сдавать.

— Да ладно!

парень истерично усмехнулся, и на его глазах заблестели слезы, которые он тут же зло смахнул рукавом казенной пижамы. — Через два дня меня заберут! Ты же слышал своего начальника. Запрут в четырех стенах, как собаку. Я ненавижу то место! Я не вернусь туда, слышишь? Я лучше из окна выброшусь!

— Прекрати! - Огонь резко, но аккуратно перехватил его раненую руку за запястье, заставив Максима замереть. — Из окна он выбросится... Ты выжил там, где другие ломались, у тебя шрамы на руках не для того, чтобы ты сейчас сдался. Максим затих, тяжело дыша. Напряжение между ними можно было резать ножом.

— Зачем ты соврал про деда? — уже мягче спросил огонь, отпуская его руку.

— А что я должен был сказать? — Максима прорвало, слова покатались лавиной. — «Здравствуйте, я сбежал из интерната, потому что там меня за человека не считают»? Если бы я сказал правду, меня бы в первый же день заперли под замком. А я... я просто хотел почувствовать себя нормальным. Снова заикнулся максим

—Максим— У меня ведь была семья. Самая настоящая. Мама, которая вечно ругала за промокшие кроссовки, и отец... он учил меня забивать гвозди и обещал летом поехать на рыбалку. Мы смеялись. Мы просто жили, понимаешь? Обычный вторник. Мама пекла что-то сладкое, этот запах до сих пор у меня в носу стоит, когда я глаза закрываю.

(Максим сглатывает подступивший к горлу ком, пальцы сильнее сжимают ткань джинсов)

—Максим— Я вышел в магазин. Всего на пятнадцать минут. Купить буханку хлеба и мелкой сестренке чупа-чупс. Иду обратно, пакет в руках держу, на небо смотрю... А эти идеалисты... эти твари, запустили ракету.

(Голос начинает дрожать, на глазах закипают слезы)

—Максим— Я не дошел до калитки метров сто. Такой свист дикий, уши заложило. А потом — вспышка. Меня волной на землю швырнуло, лицом в грязь. Земля задрожала так, будто мир пополам раскололся. Я поднялся, побежал... А бежать некуда. Дома нет. Ничего нет. Просто груда горящих кирпичей и черная яма.

(Слеза скатывается по щеке, оставляя чистую дорожку на испачканном золой лице)

—Максим—Я копал. Ногтями, руками, пока кожа в кровь не стерлась. Я кричал так, что голос сорвал на следующий же час. «Мама! Папа! Алинка!»... Никто не отозвался. Ни один человек не выжил. Все стореги. За одну секунду. Пока я шел домой с этой чертовой буханкой хлеба... Я остался совсем один. Вообще один на всем белом свете.

—Максим—(с горькой усмешкой)— А потом приехали чужие люди. Посмотрели на меня, как на вещь. Через какое-то время закинули в машину и отвезли в детдом. Знаешь, что такое детдом после теплой маминой кухни? Это серая краска на стенах, холодные кровати и тишина по ночам.

Огонь молчал. В его голове в этот момент рушились и заново выстраивались внутренние барьеры. Он вспомнил свои семнадцать лет, свои ошибки и то, как сильно ему тогда нужна была опора. Через пять дней он уезжает. Но оставить парня вот так — означало предать самого себя.

Глава 3.

Огонь и Неожиданная Встреча

На войне совесть – это роскошь, которую мы не можем себе позволить, но именно она – то последнее, что не дает нам превратиться в тени тех, с кем мы сражаемся.

Багровый закат плавил стекла военного госпиталя, превращая длинные коридоры в анфилады, залитые тревожным, почти кровавым светом. Огонь шел по линолеуму, и этот хрустящий звук шагов эхом отдавался в ушах. В руке слегка шуршал целлофановый пакет: пара крупных спелых мандаринов, глянцевые яблоки и плитка горького шоколада. Символический гостинец для Максима.

— Эй, Огонек! — раздался откуда-то справа знакомый, чуть растягивающий гласные, неторопливый голос.

Огонь вздрогнул. Рука на автомате дернулась к бедру, где обычно покоилась кобура, но вовремя остановилась. Он обернулся. У окна, прислонившись спиной к выкрашенной масля-

ной краской стене, стоял парень в потертой камуфляжной куртке. Нагловатая улыбка, растрепанные русые волосы и абсолютно спокойный, даже сонный взгляд.

— Ленивец?! — Огонь опешил, на секунду решив, что это галлюцинация от переутомления. — Братан! Ты какими судьбами здесь?

Они шагнули навстречу друг другу и столкнулись в крепком, сбивающем дыхание рукопожатии, переросшем в тяжелое мужское объятие. Ленивцу, было двадцать шесть. Они вместе выросли в одном дворе, вместе ушли на контракт, вместе делили последний сух паек под обстрелами. Время словно обтекало Ленивца стороной: несмотря на годы войны, на его лице не прибавилось ни одной морщины, только взгляд стал глубже.

— Да вот, решил проверить, не спекся ли наш главный поджигатель, — Ленивец окинул друга

внимательным взглядом, подмечая легкую бледность.

— Ты-то сам как? Живой?

— Да так, царапину зашили, — Огонь небрежно махнул рукой в сторону левого бока.

— Пуля по касательной прошла, даже кость не задела. Врачи больше паникуют. А ты? Какими судьбами в тыловом госпитале?

— Контузию легкую поймал под Альгенском. В ушах звенело так, будто внутри рота барабанщиков поселилась, — Ленивец усмехнулся, но тут же посерьезнел. — Ты куда пропал после штурма пригорода? Мы же с Цербером тебя обыскали. Думали, всё... списали тебя в безвозвратные. При упоминании третьего имени у Огня болезненно кольнуло в груди. Их неразлучная троица.

Цербер — двадцатипятилетний взрывной парень, который в бою превращался в яростного пса, готового перегрызть глотку любому за своих.

— А где Цербер сейчас? — быстро спросил Огонь, подаваясь вперед.

— Там же, на передовой. Дожимает остатки сектора. Мы почти взяли Альгенск, Огонь. Еще пару дней — и город наш.

Огонь отвел взгляд, чувствуя, как внутри ворочается тяжелый, липкий комок вины. Его пацаны там, под огнем, штурмуют высоты, а он тут — прохлаждается в чистых коридорах с пакетом фруктов.

— Прости, братан... — глухо выдохнул Огонь. — Я должен был вернуться в строй. Но дело в Максиме.

Ленивец прищурился, в его глазах промелькнуло понимание.

— А, это тот самый пацан, которого ты из здания вытащил.

— Да, — Огонь кивнул, крепче сжимая пакет с мандаринами. — Родителей у него нет. Но дело даже не в этом. Он физически сильно пострадал: множество глубоких царапин. Но хуже всего — он замкнулся. Не говорит почти только со мной. Я пытаюсь его как-то расшевелить, понимаешь?

Не могу я его бросить. Плюс его хотят забрать в детский дом.

Ленивец слушал не перебивая. Его обычно расслабленная поза изменилась: он выпрямился, убирая руки в карманы. В его глазах появилось то самое искреннее, глубокое участие, за которое Огонь и ценил друга больше всего. Ленивец мог казаться равнодушным ко всему миру, но за своих стоял горой.

— М-да, дела... — протянул Ленивец, когда Огонь замолчал. — Тяжелая тема. Но ты все правильно сделал, Огонек. На то ты и Огонь, чтобы согреть, а не только выжигать. Ладно, пошли, познакомлюсь с твоим подопечным. Может, у меня выйдет его разговорить? Ты же знаешь, на мой занудный голос даже мертвые реагируют. Огонь впервые за день слабо улыбнулся:

— Пошли. Ему полезно будет увидеть кого-то, кроме хмурых врачей.

Они пошли по коридору третьего этажа. Шаги Огня — четкие, чуть тяжелые из-за ранения, и мягкая, почти бесшумная походка Ленивца сливались в единый, странно успокаивающий ритм.

Огонь чувствовал, как спадает напряжение, копившееся последние дни. Когда рядом старый друг, любая беда кажется решаемой. Они подошли к палате № 312. Огонь взялся за ручку двери, потянул ее на себя и замер на пороге. Палата была пуста. Кровать была аккуратно заправлена казенным серым одеялом. На тумбочке не осталось ни стакана с водой. Подушка взбита, на ней — ни одной складки.

— Максим? — Огонь сделал шаг внутрь, оглядываясь по сторонам, словно мальчик мог спрятаться за шторкой или под кроватью. — Что за шутки?

— Огонь, спокойно, — Ленивец мгновенно подобрался, его расслабленность сдуло ветром.

— Может, он на процедурах? Перевязка, рентген?

— В это время? — Огонь резко развернулся. — В это время процедуры уже не проводят. Выходные на носу.

Он стремительно вылетел из палаты и почти побежал к посту дежурной медсестры в конце коридора. За стойкой сидела молоденькая девушка в накрахмаленном халате, что-то записывая в журнал.

— Простите! — Огонь опёрся ладонями о пластиковую стойку, заставив девушку вздрогнуть.

— Из триста двенадцатой палаты... Вы не знаете, где Максим? Мальчик, которого привезли три дня назад.

Медсестра растерялась, глядя на суровое, потемневшее лицо военного. Она нервно затеребила край халата.

— А... из триста двенадцатой? Так его забрали.

— Кто забрал?! — голос Огня сорвался на глухой рык. — Куда?

— Я... я точно не знаю, — залепетала девушка, испуганно переводя взгляд с Огня на подошедшего Ленивца. — Приехали военные. Два человека. И увезли его.

— Куда именно его повезли, они сказали? Название города, номер части? — Ленивец говорил тихо, но в его голосе прорезался металл.

— Нет, — медсестра покачала головой.

Сердце Огня ухнуло куда-то в ледяную пустоту. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел.

«Два военных? Без предупреждения? Среди бел-дня?» — пробормотал он, отходя от стойки и хватаясь за голову.

Пакет с фруктами выпал из его рук, мандарины с глухим стуком раскатились по линолеуму. В голове Огня один за другим начали вспыхивать самые мрачные, пугающие сценарии. Максим не был обычным заложником. Он был найден в секторе, где, по слухам, работали диверсионные группы. Что, если мальчик увидел то, чего не должен был видеть?

Ленивец присел, быстро собрал разлетевшиеся фрукты обратно в пакет, положил его на скамейку и подошел к другу. Он с силой опустил тяжелую ладонь на плечо Огня.

— Спокойно, братан. Дыши. Мы разберемся. Если кто-то его забрал, значит, на то есть причина.

Может, это действительно плановый перевод или... мало ли что. Главное — панике не поддаваться. Мы его найдем.

Огонь глубоко вздохнул, заставляя себя выровнять дыхание. Паника — худший враг на поле боя, а сейчас он находился именно на поле боя, пусть и невидимом. Ленивец был прав.

— Ты прав, — Огонь поднял глаза, в которых паника медленно сменялась холодной яростью.

— Надо узнать, кто это был. Кто-то же должен был их видеть? Сестра, — он снова повернулся к посту.

— Лица? Вы запомнили их лица? Какой-то восковой след, шрамы, шевроны? Номер машины?

Медсестра лишь испуганно развела руками, вжимаясь в стулом в стену.

— К сожалению... они были в полной боевой форме. Лица скрыты под шлемами и Балаклавой, только глаза видны. На рукавах обычные тактические нашивки, никаких конкретных номеров частей. А машина... я в окно мельком видела, они со двора уезжали. Черный тонированный внедорожник больше ничего не смогла разглядеть.

Прилив отчаяния едва не накрыл Огня с головой. Военная форма и балаклавы в глубоком тылу?

Это не походило на официальную эвакуацию. Это походило на похищение.

— Это не может быть просто так, — Огонь ударил кулаком по стене, штукатурка тихо посыпалась на пол. — Максим — свидетель. Понимаешь, Ленивец? Там рядом были позиции связистов. Что, если пацан что-то услышал или запомнил? Может, кто-то очень влиятельный хочет заставить его замолчать?

Ленивец крепче сжал плечо Огня, буквально встряхивая его.

— Эй! Хватит накручивать себя раньше времени. Мы не знаем всей картины. Не думай о плохом.

Давай пойдем к начальству госпиталя, Там сейчас гора. Объясним ситуацию. Ты же Огонь, у тебя орден, тебя здесь каждая собака знает после того штурма. Они не имеют права скрывать информацию от офицера. Пойдем, пусть поднимают журналы посещений и приказы.

Они развернулись и быстрыми шагами направились в сторону административного крыла. По дороге, проходя мимо бесконечных палат, Огонь, словно пытаясь выговориться и заглушить нарастающий страх, взахлеб рассказывал Ленивцу детали:

— Ты понимаешь, он ведь за руку меня держал. Он мне поверил, Ленивец. Я обещал ему, что он в безопасности. А теперь его увозят какие-то типы в масках, а я... я мандарины ему покупаю в магазине!

Ленивец слушал молча. Его обычно невозмутимое, сонное лицо теперь выражало предельную, жесткую серьезность. В уголках губ залегла жесткая складка.

— Ты правильно сделал, что спас его, Огонь, — тихо, но веско произнес Ленивец, когда они остановились перед массивной дубовой дверью с табличкой (кабинета горы)

Огонь остановился перед дверью. Внутри него все еще клочкотала буря, но присутствие друга действовало как надежный якорь. Рядом был человек, который прошел с ним ад, и если Ленивец говорил, что они справятся — значит, шансы были. Огонь глубоко вздохнул, Дверь кабинета со скрипом отворилась. За массивным столом, заваленным историями болезней и рапортами, сидел гора полевой формы с погонами полковника. На табличке значилось: Ковалев И.С., но в гарнизоне его все знали под позывным Гора — за монументальное телосложение и непробиваемый, как гранит, характер.

Гора даже не поднял головы, продолжая размашисто подписывать какие-то бланки.

— Огонь, Ленивец, — прогудел он, не прерывая работы. — Знаю, зачем пришли. Медсестра уже отзвонилась. Сразу говорю: кричать и портить мне мебель не надо.

— Товарищ полковник, — Огонь сделал шаг вперед, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Куда увезли Максима? Что это за люди в масках? Это похищение?

Гора наконец отложил ручку, сцепил пальцы в замок и поднял на парней тяжелый, уставший взгляд.

— Успокойся, лейтенант. Никто его не похищал. Всё официально. Это люди, которые набирают на службу по контракту. Из специального ведомства. В кабинете повисла мертвая,

звнящая тишина. Огонь на секунду потерял дар речи, переводя взгляд с Горы на Ленивца, который тоже заметно нахмурился.

— Что?! — Огонь шагнул прямо к столу, упираясь в него кулаками.

— Какой контракт?! Гора, ему семнадцать лет! Он несовершеннолетний! Он ребенок.

Гора даже не дрогнул. Он откинулся на спину кожаного кресла, и оно жалобно скрипнуло под его весом.

— Ничего не знаю, — отрезал гора

Огонь сорвался на крик, забыв о субординации.

— Семнадцать лет! По закону...

— Огонь, замолчи и послушай меня, — перебил его Гора, и в его голосе прорезались опасные, грозные нотки. — На дворе война. И правила сейчас пишутся на коленке.

— Вы с ума сошли... — прошептал Огонь, чувствуя, как внутри все закипает от бессильной ярости.

— Вы отдаете ребенка в мясорубку.

— Я ничего не знаю, Огонь, — повторил Гора, глядя прямо ему в глаза, и на секунду в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на глубокую, тщательно скрываемую горечь. — Есть приказ. Мальчик уже в машине. Тема закрыта. И если ты не хочешь под трибунал за срыв секретной операции — заberi свой пакет с мандаринами и иди долечивай свою царапину. Ленивец молча положил руку на плечо Огня и с силой потянул его назад, не давая натворить глупостей.

— Пойдем, Огонек, — тихо сказал Ленивец. — Здесь мы больше ничего не добьемся.

ГЛАВА 4

Пепел и Тень

Пламя живет. Пока пожирает, но лишь тень знает, что останется, когда догорит все до последнего уголька. Истинная сила не в том, чтобы не дать тьме поглотить тех, кого ты поклялся защищать.

Тяжёлые дубовые двери штаба захлопнулись с глухим, похоронным стуком, который ещё долго стоял в ушах. Огонь остановился на крыльце, жадно глотая сырой осенний воздух. Позади остался день изнурительных, бессмысленных споров, разбившихся о глухую, непробиваемую стену

чужого упрямства. Гора остался верен себе — Значит, так? — негромко произнёс Огонь, глядя на темнеющий горизонт, где небо сходилась со свинцовыми тучами. — Если Максима забрали на фронт, я найду его там, и парням надо помочь. Внутри него закипала глухая, яростная решимость. Ждать больше было нельзя. Каждый потерянный час стоил жизней парней, которые держались на передовой из последних сил. Позывной, который когда-то дали ему за вспыльчивый нрав, теперь полностью оправдывал себя — внутри горело холодное, беспощадное пламя. Через сутки, не дожидаясь официальных приказов и согласований, Огонь собрал личные вещи, проверил автомат и сел в уходящий на передовую грузовик. Он принял решение ехать на фронт, чтобы лично возглавить штурм. Дорога к Альгенску была разбита артиллерией. Машину швыряло по ухабам, а вжимавшиеся в борта бойцы молчали, глядя на проплывающие мимо обугленные остовы деревьев. Атмосфера была натянута как струна. Сама земля здесь казалась пропитанной тревогой. Штурмовой группе Огня достался самый проклятый участок — так называемый «тёмный лес» на окраине города. Когда-то здесь был тихий пригородный квартал с аккуратными домами, но теперь от них остались лишь бесформенные груды серого кирпича, обглоданные пожарами скелеты стен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.